

МИГРАЦИИ И СООБЩЕСТВА / MIGRATIONS AND COMMUNITIES

Серия «Политология. Религиоведение»

2012. № 2 (9), ч. 2. С. 13–21

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

*Иркутского
государственного
университета*

УДК 91(с18) (571)(162.1)

Польские конфедераты в Сибири*

А. А. Крих, С. А. Мулина

Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск

Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина, г. Омск

Рассматриваются спорные моменты истории польских конфедератов в Сибири во второй половине XVIII в.

Ключевые слова: диаспора, адаптация, история Сибири, сибирская ссылка, польские конфедераты.

Ссылке участников барской конфедерации отводится особое место в польской историографии. Дело конфедератов оценивается как первое сражение за независимость государства, которое внешне еще оставалось свободным, но в реальности уже являлось российской провинцией [24, с. 49]. Ссылка конфедератов считается первым примером массовых насильственных перемещений жителей Речи Посполитой в глубь Российской Империи, а также первой политической ссылкой поляков, запустившей процесс формирования «сибирского мифа», сыгравшего важную роль в становлении польской национальной идентичности.

Несмотря на важность темы для польской историографии и особенно мартирологии, на возможностях ее изучения сказывается дефицит исторических источников. Информация о сибирской жизни конфедератов черпается преимущественно из двух мемуарных произведений: воспоминаний французского офицера Франца Августа Тесби де Белькура, взятого в плен и сосланного в Сибирь за службу барской конфедерации, и записок краковского шляхтича Карла Любича Хоецкого, сосланного солдатом в сибирские гарнизоны.

Ограниченность базы источников привела к формированию расхожих суждений, кочующих из одного исследования в другое. Зачастую выводы, сделанные исследователями на материалах более известной польской ссылки XIX в., экстраполировались на предшествующее столетие. В результате ссылка конфедератов органично вошла в «черную легенду» о Сибири. Даже романтическая история невероятного побега А. Беневского, облетевшая всю Европу, не спасла конфедератов от виктимизации. «Судьбы конфедератов в

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ: проект № 11-31-00214 «История и культура поляков Западной Сибири в XVIII–XX вв.».

Сибири, – писал М. Яник, – были чрезвычайно тяжелыми. В войске или на работах, они должны были довольствоваться низкой оплатой и сносить надоедливые гримасы начальников» [24, с. 54]. Польским потом пропитано строительство Тобольска, Оренбурга, крепостных стен Томска и других городов [26, с. 65]. Многие конфедераты погибли во время подавления восстания Емельяна Пугачева [23, с. 94].

При этом исследователи практически никогда не обращали внимание на поляков, нашедших свое «сибирское счастье». Когда нами был накоплен солидный архивный материал по теме, он вошел в диссонанс с рядом утверждений историков и позволил по-новому взглянуть на некоторые аспекты сибирской истории польских конфедератов.

Первой проблемой, с которой сталкивается исследователь, изучающий какую-либо группу населения, является определение ее численности. В данном вопросе у историков нет единого мнения, поэтому численность конфедератов в различных работах варьируется от 5 до 15 тысяч человек [29, с. 24]. По мнению польского историка М. Яника, в Сибирь было выслано более 10 тысяч конфедератов. В это число входили польские казаки и чернь, высланные за гайдаматчину, а также мирное сельское население, высланное со шляхетских заимок в глубь России [24, с. 53]. В списке сосланных конфедератов, составленном де Белькуром, значится 5445 человек [25]. Однако польские исследователи полагают, что большая часть конфедератов, указанных в списке, до Сибири не доехала [28, с. 46]. По документам, найденным нами в Российском государственном архиве древних актов, в 1774 г., когда уже начался процесс постепенного возвращения конфедератов на родину, в ведении сибирского губернатора Д. И. Чичерина еще оставалось 782 ссыльных конфедерата, служивших в качестве казаков и солдат [17, л. 1, 2]. С учетом умерших, вышедших в отставку, а также сосланных на поселение общее количество участников барской конфедерации, оказавшихся за Уралом, должно было быть больше 782 человек. Но порядок чисел в этом вопросе далеко не очевиден и подлежит тщательному дальнейшему изучению.

Несмотря на масштабность ссылки и компактность проживания конфедератов, они не смогли организовать в этническое локальное сообщество – диаспору – и достаточно быстро слились с русским населением. «Обрусение ссыльных поляков, – заявлял в начале XX в. известный русский этнограф С. В. Максимов, – представляется в Сибири явлением осязательным и бесспорным. <...> До сих пор между фамилиями коренных сибиряков-старожилов сплошь и рядом попадаются польские фамилии и при них семейные предания, указывающие прямо на происхождение от ссыльных поляков; целые семейства происходят от барских конфедератов. Сохраняя польский тип лица, они, как правило, не знали родного языка и считали себя сибиряками» [12, с. 337].

Возлагая на конфедератов ответственность за раздел Речи Посполитой, видя в них националистов или, по меньшей мере, патриотов [27, с. 10], польские историки не могли простить им столь быструю ассимиляцию. Виновницей этого процесса объявлялась местная сибирская власть, которая якобы препятствовала реализации амнистий, склоняла поляков к тому, чтобы ос-

таться в Сибири, и способствовала их растворению среди сибиряков [30, с. 41]. Важнейшими показателями ассимиляции рассматривали браки поляков с сибирячками и сопутствующий этому переход в православие. Но архивные документы свидетельствуют, что применительно к ссылке конфедератов принятие православия, как правило, опережало момент создания семьи и не было напрямую связано со вступлением в брак.

Первый переход конфедератов в православие датируется 1771 г., однако массово принимать православие они начали только в 1773–1774 гг. [1, л. 248, 318, 321 об., 397, 399 об., 401–404 об., 405 об. – 406 об., 409–409 об., 471–472 об., 474–476, 482–483, 569 об., 652–654 об., 724 об., 737, 812, 819 об.; 5, л. 66]. Видимо, всплеск перехода в православие был связан с указом от 10 января 1773 г., принятым по инициативе Синода и предписывающим не посылать крестившихся конфедератов в Сибирь и г. Оренбург, а оставлять их в г. Казани в качестве «вольных людей» и находить им соответствующие должности по усмотрению Казанского губернатора [6, л. 2–2 об.; 14, № 13935, с. 699–700]. Законодатели ориентировались на уже существующие правила относительно пленных турок и татар, «к благочестию обратившихся». Синод надеялся, что эта мера будет способствовать переходу поляков в православие. И действительно, по сведениям Тобольской духовной консистории, в 1773–1774 гг. в разных городах и крепостях Тобольской губернии приняло крещение по православному обряду 154 польских конфедерата [3, л. 3 об.–6; 4, л. 3–4 об., 5 об.–7, 11–12 об.]. Хотя в указе 1773 г. речь шла о тех конфедератах, которых еще не отправили в Сибирь, в самой Сибири, по-видимому, это распоряжение было воспринято как возможность облегчения участи.

В этом же году, но 10 сентября по инициативе вице-президента военной коллегии генерала-аншефа Н. И. Салтыкова принимается указ об освобождении пленных польских мятежников и находящихся между ними французов. Указ не затрагивал тех конфедератов, «кои, кроме мятежничества своего оказались виновными частно сами по себе в разных злодействах и преступлениях, сосланные в каторжную работу»; также он не распространялся на замешанных в краковском заговоре, находящихся при нерчинских сереброплавильных заводах и в других местах на военной службе и тех, которые «ранее приняли православие» [14, № 14.038, с. 821]. Таким образом, если в начале 1773 г. принятие православия становилось залогом облегчения участи польских ссыльных, то в сентябрьском указе, наоборот, выкресты были исключены из сферы действия амнистии.

Многочисленные ограничения, предусмотренные указом от 10 сентября 1773 г., сковывали свободу сибирских властей в отправке польских ссыльных на родину. Несмотря на это, те конфедераты, которые служили в Сибири солдатами и казаками, а также принявшие православие, винули в отсутствии возможности вернуться на родину сибирского губернатора Д. И. Чичерина. Мнение ссыльных конфедератов прочно закрепилось в польской историографии в виде утверждения, что Д. И. Чичерин самовольно удержал более молодых и сильных конфедератов в Сибири, позволив вернуться в Польшу лишь

офицерам, некоторым полякам, служившим в чине товарищей, а также старцам и увечным [26, с. 67].

Поскольку значительный контингент ссыльных поляков не подпадал под действие указа от 10 сентября 1773 г., по инициативе Д. И. Чичерина 10 января 1774 г. был принят еще один указ, предписывающий «тем, кои уже до сего вечно жить в Сибири остались (выделено нами. – А. К., С. М.), так и впредь, которые равномерно свое на то желание объявлять станут и в верности присягу учинять», выдавать единовременно по 18 руб. каждому из средств Камер-Коллегии вместо 5 копеек кормовых в день [14, № 14.095, с. 887–889]. К. Хоецкий вспоминал, что, когда стало известно об этом указе, «... не было дня, чтобы не пришло наших шестеро или семеро разом в канцелярию просить о принятии их в религию». Им всем было разрешено жениться и искать работу [23, с. 89].

Уверенность конфедератов в том, что сибирский губернатор весьма вольно трактует указ от 10 сентября 1773 г. и сознательно не отпускает их на родину, спровоцировала осенние события 1774 г. в г. Тобольске, связанные с намерением ссыльных конфедератов, зачисленных в российскую армию, самовольно отказаться от дальнейшей службы [22, с. 186]. К. Хоецкий утверждал, что поляки смогли осуществить свои планы: во дворе губернаторского дворца они сложили с себя оружие и амуницию и решительно потребовали у губернатора отпустить их на родину [23, 104 – 105]. Однако в рапорте Д. И. Чичерина Сенату говорится, что выступление, описанное польским мемуаристом, осталось только в планах конфедератов, поскольку заговор был раскрыт, а его участники схвачены [17, л. 1].

Учитывая то, что в г. Тобольске к началу бунта находился 391 польский конфедерат, из которых, по свидетельству Д. И. Чичерина, 270 приняли православную веру, и исходя из того, что после бунта в г. Тобольске были оставлены 123 конфедерата, не принявших участие в мятеже, можно утверждать, что большая часть принявших православие польских ссыльных встала на сторону недовольных [17, л. 2].

После неудавшегося восстания конфедераты были рассредоточены по сибирским городам и наиболее крупным селам: в г. Красноярск было отправлено 92 человека, в г. Тюмень – 82, в г. Тару – 81, в г. Енисейск – 48; партиями по 35 человек поляки были разосланы в г. Березов, г. Сургут и Самаровский ям; 30 человек оказалось в г. Томске, и 20 – в Демьяновском яме. В Тобольской губернской роте и гарнизонных батальонах остался 201 конфедерат [17, л. 2].

Д. И. Чичерина интересовало, было ли выступление конфедератов в г. Тобольске как-то связано с социальными бунтами, охватившими многие губернии России [23, с. 186]. Но подозрения так и не подтвердились, и в целом, несмотря на беспокойную обстановку в империи, власти достаточно адекватно оценили произошедшие в г. Тобольске события [17, л. 1]. Однако идея заговора, распространившего свое влияние далеко за пределы сибирской столицы, хоть и была отвергнута властями, но все-таки проникла в историографию. Материалы следствия позволили некоторым историкам утверждать,

что около 400 поляков предполагали оставить оружие и отказаться от повиновения, причем участие в этом сговоре принимали и поляки, размещенные по войскам Сибирской оборонительной линии [20].

1774 г. стал последним годом массового перехода ссыльных конфедератов в православие. Анализируя контингент восприемников поляков, можно судить о том, с какими категориями сибирского населения у конфедератов существовали контакты. Моду на участие в таинстве крещения польских ссыльных задавал сам сибирский губернатор Д. И. Чичерин. Со своей супругой они неоднократно становились крестными как благородных шляхтичей, так и безродных солдат [2, л. 7, 18, 105–106]. Отдавая дань моде, бургомистр г. Тары также стал крестным польского конфедерата Андри Гвордиона [2, л. 476]. Трижды крестными конфедератов становились майор М. Г. Кривоногов и тарский воевода Т. Г. Кривоногов [2, л. 248, 401, 474]. Зачастую в роли восприемников принимавших православие конфедератов выступали одни и те же люди. К примеру, семь раз крестной у поляков становилась сержантская жена М. К. Урусова [2, л. 401 об., 402, 402 об., 474, 475, 652]. В Таре восприемницами польских конфедератов становились в основном жены офицеров нижних чинов, реже – солдатские жены, мещанки или крестьянки. Нам известен лишь один случай, когда восприемницей конфедерата стала дворянка, и один случай, когда на такой шаг согласилась супруга тарского коменданта. В общей сложности из 81 конфедерата, проживавшего в г. Таре, 63 приняли крещение.

Видимо, конфедератам не только удалось вызвать интерес к себе в неисклюшенном сибирском обществе, но и даже создать там небольшой ажиотаж, что было связано не столько с их образованием и дворянским происхождением, сколько с тем вниманием, которое проявляли к политическим ссыльным в Сибири как в XVIII, так и в XIX в. На примере г. Тары мы видим, что высокопоставленные чины охотно становились крестными отцами молодых конфедератов, но при этом не спешили с ними породниться. Из 23 конфедератов, женившихся в г. Таре, шестеро взяли в жены крестьянок, четверо – женщин из разночинской среды, трое – из семей служилых людей, двое – посельщиц, один женился на мещанке. Двое конфедератов нашли невест своего этнического круга. Шляхтич Антоний Ореховский женился на дворовой девке Фрацзен Буклинской – на дочери ясачного крестьянина, а Ян Шмидт – на дочери новокрещенного татарина. Социальное происхождение двух жен польских конфедератов неизвестно. [2, л. 399 об., 482, 654 об., 724].

Достаточно быстрый и масштабный процесс вращающихся поляков в сибирское общество был ускорен благодаря указу 1781 г. о выдаче кормовых денег для ссыльных конфедератов, турок и татар, принявших православие [22, с. 191]. В результате в «Топографическом описании Тобольского наместничества 1788 г.» делают вывод, что все пленные конфедераты «восприняли веру греческого исповедания» [11, с. 17].

Но миссионерский успех православия в среде ссыльных конфедератов не стоит приписывать исключительно политике российского правительства: в XVIII в. в Сибири отсутствовало такое важнейшее условие для диаспоризации поляков, как костел.

Как уже отмечалось, первые шаги по возвращению конфедератов из ссылки были предприняты еще в 1773 г., но, очевидно, немногие поляки смогли воспользоваться этой возможностью. Основанием для массового возвращения конфедератов на родину стал указ от 28 июля 1781 г. Его появление спровоцировало просьбы об освобождении польских пленнх, находившихся в Казанской губернии, принявших православие и отданных в вечное услужение разным помещикам. Конфедераты вместе с женами (даже если они были женаты на крепостных женщинах) и детьми объявлялись свободными. Они могли избрать «такой род жизни, какой захотят, на пользу общую и для своего собственного пропитания» [15, № 15.198, с. 211]. 19 ноября 1781 г. этот указ был распространен на всех польских пленнх, какой бы они веры ни были [15, № 15.282, с. 309–310]. В результате, по мнению польских историков, 1781 г. стал для конфедератов концом неволи [25, с. 13], а в Сибири осталось около 90 бывших бунтовщиков, заключивших браки с сибирячками [10, с. 272]. Таким образом, в польской историографии одновременно с тезисом о тотальной ассимиляции конфедератов фигурирует утверждение о практически полном возвращении конфедератов на историческую родину. Возможность мирного сосуществования этих двух взаимоисключающих выводов кажется нам сомнительной.

В последующие годы появляется еще несколько помилований. Павел I указом 29 ноября 1796 г. позволил всем «попавшим под наказание, заточение и ссылку по случаю бывших в Польше замешательств» вернуться на родину [16, № 17.585, с. 21]. В апреле 1804 г. Александр I издал указ, позволяющий польским военнопленным возвратиться в отечество за государственный счет. Эти указы были рассчитаны прежде всего на пленнх участников восстания Т. Костюшко, но архивные документы свидетельствуют, что среди возвратившихся были также и конфедераты. Например, в 1798 г. сибирскому губернатору было приказано собрать сведения о польских военнопленнх, имевших в бывших польских войсках чины товарищей (18, л. 171). Таких было обнаружено несколько человек: Семен Альшевский, Юзеф Кличковский и Тамас Политовский, служившие в тобольской губернской роте. Они оказались в российском плену в период с 1769 по 1772 гг., что позволяет предположить их связь с конфедерацией. По решению властей, первые двое были выключены со службы и отпущены домой. Был ли отправлен на родину Т. Политовский, неизвестно.

Расширение категории амнистированных сопровождалось упрощением процедуры их отправки на родину. В октябре 1804 г. польским пленным, женившимся на местных уроженках и имеющим детей, было разрешено взять семью с собою, причем на членов семей также выдавались прогонные деньги [9, л. 6–6 об.]. Но это не отменяло заинтересованности сибирской администрации в том, чтобы они оставались в Сибири. Генерал-губернатор И. О. Селифонтов отмечал в 1804 г., что поляки, пожелавшие остаться в Сибири, не должны быть побуждаемы к переселению [8, л. 4].

Неизвестно, сколько человек воспользовалось этим указом. Т. С. Мамсик опубликовала список польских ссыльных, подлежащих возвращению на родину по указу от 30 апреля 1804 г., причем было высказано со-

мнение в том, что речь в документе шла именно о бывших конфедератах. В списке 229 человек, которые, видимо, относились только к Ояшинскому земскому управлению Томской губернии [13].

Документы Тобольского архива позволяют утверждать, что местные власти не торопились с исполнением апрельского указа. По справке Тобольского губернского правления на февраль 1806 г., из числа польских пленных, проживавших в губернии, согласились возвратиться на родину 12 человек с семьями. Их необходимо было исключить из оклада и отправить в г. Тобольск с выдачей прогонов и кормовых. Сложно сказать, кто из них смог выехать из Сибири. 6 декабря 1806 г. пожар в Тобольском губернском правлении уничтожил дела о пленных, внося тем самым путаницу в процесс выявления и отправки поляков на родину. Сибирские власти заново стали собирать материал о военнопленных. 5 декабря 1808 г. Тарский земский суд сообщил в г. Тобольск, что в подведомственном ему уезде из польских пленных остался один Антоний Бриско, который возвратиться на родину не пожелал [21, с. 11–12]. По-видимому, тарские чиновники не стали прикладывать усилий для поиска расселившихся по уезду конфедератов, а просто отписались, а в письме привели в пример человека, жившего в самом г. Тара, в то время как семья А. М. Буклинского проживала в 75 верстах от города в Аевской слободе. В г. Туринске, г. Тобольске и г. Березове польских пленных, желающих возвратиться в свое отечество, обнаружено не было [8, л. 32–32 об., 37–38].

Некоторые военнопленные так и не получили разрешение на отъезд. Например, Ялуторовский земский суд отобрал проездные документы у шляхтича Андрея Рушковского, поскольку двое из его сыновей были предназначены к отдаче на военную службу в качестве рекрутов [8, л. 54]. Польский пленный Яков Иванов Новаковский не мог выехать из Сибири, поскольку успел наделать долгов [8, л. 130]. Польский пленный, исключенный из тобольского мещанства, Иван Максимов Лашоцкой, попросил остаться в Сибири еще на два года с позволением совершать разъезды по городам Пермской и Тобольской губерний для решения хозяйственных дел [8, л. 94 об.–96, 105]. Матвей Садовников остался в Сибири, потому что, когда прочие пленные конфедераты возвращались в отечество, он был болен, а по выздоровлении уже не находил возвращение для себя полезным [7, л. 1].

Подобные примеры вынудили сибирскую администрацию более точно определить юридический статус оставшихся в Сибири поляков. Министр внутренних дел граф В. П. Кочубей в отношении к сибирскому генерал-губернатору И. О. Селифонтову изъяснял, «...что всякий из иностранцев, остающихся в российское вечное подданство, должен избрать себе род жизни и по званию, в какое причислен, нести повинности. А потому те из польских пленных, кои были причислены в оклады и не пожелали возвратиться восвояси, должны в тех окладах и остаться» [8, л. 134].

Таким образом, амнистии не помешали процессу ассимиляции польских конфедератов. О том, что значительная их часть осела в Сибири, косвенно свидетельствуют регулярные упоминания политических ссыльных более позднего периода о встречах с конфедератами или их потомками, полностью утратившими «польскость». Возможно, именно образ обрусевших конфеде-

ратов преследовал польских ссыльных в XIX в. и стимулировал их диаспоризацию, заставлял противиться перекрещиванию и осуждать смешанные браки.

В целом, ссылка конфедератов действительно представляла собою особое явление в карательной политике самодержавия. Правовое положение этой группы «невольных мигрантов» можно определить как промежуточное между военнопленными XVII в. и политическими ссыльными XIX в., а значит, проводить какие бы то ни было аналогии с более ранним или более поздним периодом польско-сибирской истории следует с осторожностью. Вряд ли можно утверждать, что власти рассматривали конфедератов как политических ссыльных, хотя бы потому, что в юридическом отношении их уравнивали с пленными турками и татарами.

1. ГИАОО (Государственный исторический архив Омской области). Ф. 16. Оп. 2. Д. 4.
2. ГУТО ГАТ (Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»). Ф. 156. Оп. 2. Д. 1112.
3. ГУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 3. Д. 143.
4. ГУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 3. Д. 343.
5. ГУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 3. Д. 503.
6. ГУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 3. Д. 68.
7. ГУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 4. Д. 398.
8. ГУТО ГАТ. Ф. 329. Оп. 13. Д. 130.
9. ГУТО ГАТ. Ф. 329. Оп. 13. Д. 193.
10. *Качинская Э.* Поляки в Сибири (1815–1914). Социально-демографический аспект // *Сибирь в истории и культуре польского народа* : пер. с пол. – М. : Ладомир, 2002. – С. 265–277.
11. *Колесников А. Д.* Омский и Тарский уезды в топографическом, историческом и экономическом описании 1788 года / А. Д. Колесников. – Омск : Изд-во СибАДИ, 2002. – 219 с.
12. *Максимов С. В.* Сибирь и каторга / С. В. Максимов. – 3-е изд. – СПб. : Изд-е В. И. Губинского, 1900. – 487 с.
13. *Мамсик Т. С.* Поляки в Сибири (по материалам амнистии 1804 г.) // *Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв.* : сб. науч. тр. – Новосибирск : РИПЭЛ, 2004. – С. 36–41.
14. Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗРИ). – 1-е изд. – СПб., 1830. – Т. 19.
15. ПСЗРИ. – 1-е изд. – СПб., 1830. – Т. 21.
16. ПСЗРИ. – 1-е изд. – СПб., 1830. – Т. 24.
17. РГАДА (Российский государственный архив давних актов). Ф. 248. Оп. 113. Д. 293.
18. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 8. Оп. 10. Д. 15.
19. *Резун Д. Я.* Откуда пошли Немчиновы в Сибири // *Гуманитарные исследования в Сибири*. – 2003. – № 2. – С. 76–77.
20. *Рябкова А. В.* Дневник французского офицера / А. В. Рябкова, В. Я. Темплинг [Электронный ресурс]. – URL : <http://library.ikz.ru/georg-steller/aus-sibirien-2013-2009/ryabkova-a.-v.-templing-v.-ya.-dnevnik>
21. *Сулимов В. С.* Польские ссыльные в Тобольской губернии (1801–1881 гг.) : биограф. словарь / В. С. Сулимов. – Тобольск, 2007. – 112 с.
22. *Щеглов И. В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 / И. В. Щеглов. – Сургут : Сев. Дом, 1993. – 463 с.

23. *Chojcecki K.* Pamięć dzieł polskich. Podróż i niepomyślny sukces Polaków. Na podstawie pierwodruku z 1789 roku wydali oraz przypisami i komentarzami opatrzyli Antoni Kuczynski i Zbigniew J. Wojcik. – Bagnó – Warszawa – Wrocław : Stowarzyszenie „Wspólnota Polska”. Wyższe Seminarium Duchowne Salwatorianów, 1997. – 204 s.

24. *Janik M.* Dzieje polaków na Syberji. Kraków : Nakładem krakowskiej spółki wydawniczej, 1928 // Biblioteka Zesłańca. – Warszawa – Wrocław, 1991. – S. 1–472.

25. Konfederaci barscy na Syberji (1774). – Kraków : nakład redakcyi „Świata”, 1895. – 160 s.

26. *Kuczyński A.* Syberia. 400 lat polskiej diaspory. Zesłania, martyrologia i sukces cywilizacyjny polaków. Rys historyczny. Antologia / A. Kuczyński. – Kraków : Wydawnictwo „Kubajak”, 2007. – 544 s.

27. *Lenkiewicz A.* Konfederacja barska (1768) po 240 latach // Zesłaniec. – 2008. – № 34. – S. 3–10.

28. *Librowicz Z.* Polacy w Syberii / Z. Librowicz. – Kraków : G. Gebethner i Spółka, 1884 // Biblioteka Zesłańca. – Wrocław, 1993. – S. 1–380.

29. *Nowiński F.* Polacy i Syberia. Historia i współczesność // Sybiracy. Martyrologia polaków na Wscodzie. – Koszalin : Wydawnictwo Uczelniane Bałtyckiej Wyższej Szkoły Humanistycznej w Koszalinie, 2000. – S. 20–56.

30. *Nowiński F.* Polacy na Syberii Wschodniej. Zesłańcy polityczni w okresie międzypowstaniowym / F. Nowiński. – Gdańsk : Wydawnictwo Gdańskie, 1995. – 434 s.

31. *Rzońca J.* Konfederacja barska w historiografii polskiej // Polacy i rosjanie na przestrzeni wieków (XVII–XX w.). Praca zbiorowa pod redakcją Jana Rzońcy. – Opole, 2000. – S. 47–58.

Polish Confederates in Siberia

A. A. Krikh, S. A. Mulina

Siberian State Automobile and Highway Academy, Omsk

P. A. Stolypin Omsk State Agrarian University, Omsk

The article deals controversial issues of history of Confederate deportees in Siberia in the second half of the XVIIIth century.

Key words: diaspora, adaptation, history of Siberia, Siberian exile, Polish Confederates.

Мулина Светлана Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-педагогических дисциплин Омского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина, г. Омск, 644008, ул. Институтская площадь, 2, тел. 8(3812)652455, e-mail: swetmulina@rambler.ru

Крих Анна Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и политологии Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии, г. Омск, пр. Мира, 5, тел. 8(3812)652727, e-mail: novoselovaa@rambler.ru

Mulina Svetlana Anatolievna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Socio-Pedagogical Disciplines, P. A. Stolypin Omsk State Agrarian University, 644008, Omsk, Institutskaya St., 2, phone 8(3812)652455, e-mail: swetmulina@rambler.ru

Krikh Anna Alekseyevna – Candidate of Historical Science, Associate Professor of the Department of Russian History and Political Sciences, the Siberian State Automobile and Highway Academy (SibADI), 644080, Omsk, Mir Av., 5, phone 8(3812)652727, e-mail: novoselovaa@rambler.ru